

— НЕ УВЛЕКАЕТЕСЬ? — спросил он, указывая на гоночный велосипед, который никак не прислонился к стенке. Пришлось задвинуть его креслом.

Было как-то неловко признаться, что и времени нет, да и возраст вроде не тот, чтобы по Москве в соответствующем виде на велосипеде раскатывать.

— А вы давно ездите? — ушел я от прямого ответа.

— Впервые сел на велосипед в 48 лет. В детстве, знаете, не было возможности, так сейчас все наверстываю.

— И далеко ездите? — чуть-чуть сдерживался я. Но он не обратил на это никакого внимания, а, наоборот, даже воодушевился.

— А всюду. В магазин, по делам, если, конечно, они не на другом конце Москвы. Могу и на дачу, правда, еще не пробовал. Это, сами понимаете, при максимальной скорости 40 километров, а средней 20—25 (меньше он просто не понимал — А. Р.) достаточно сложно. Тем более что на даче у меня такой же «Старт-шоссе» стоит. Зато сын, не поверите, в три с половиной года стал на «Школьнике» гонять...

Потом мы поехали на эту самую дачу, потому как у Владимира Яковлевича выдался свободный день. Правда, пока все-таки на машине. А по пути «заскочили на минуточку по неотложному делу в одно место», «еще на одну» — в другое... Так что в Отдых прибыли лишь во второй половине дня.

ПРИЕХАЛИ и сразу попали в спорную ситуацию. Потому что я неосторожно спросил:

— Вот вы как детский композитор...

По-моему, он даже слегка расстроился. — Простите, детей очень люблю, а главное — уважаю, но я не детский композитор.

Пришлось поспешно исправлять ошибку:

— Конечно, но вы пишете и для детей. И именно ваши детские мелодии не перестают звучать ни на минуту. Спросите у любого прохожего, кто композитор песни, скажем, «Дрозды»? Или «А лес стоит загадочный»? Или «На дальней станции сойду»? Популярны песни? Поющиеся? Может, прохожий и ответит, что Шаинский. Может, и не ответит. Тогда поинтересуйтесь, кто написал про Чебурашку? А «Улыбку»? А «Антошку»? И независимо от того, есть ли у него дети или еще нет, немедленно получите точный ответ. Потому что он сам их поет.

— Все верно, кроме одного: я не пишу музыку для детей. И не сочиняю песен для взрослых. Я пишу их для себя вообще. Поэтому, мне кажется, они так легко и пересекают возрастные рубежи. Сам слышал, как «Не плачь, девчонка» пели ребята из детского сада, а «Травы-травы» — пятиклассники. С чего вы взяли, будто «Крокодил Гена» или «Голубой вагон» песни для детей? Да просто вы услышали

их в мультфильме. А многие взрослые и по сей день считают этот жанр исключительно детским. Хотя не отрицают, что и сами смотрят их с удовольствием, что и для себя почерпнули тут кое-что важное.

— Значит, лично вы, как композитор, не допускаете никаких скидок на возраст?

— Абсолютно. Я даже не могу представить, как это можно сделать практически. Не обращать внимания на фальшивую ноту? Что еще? Не понимаю...

А в принципе считаю, что мелодия любой песни не должна быть сложной. Знаете, какое самое бесполезное занятие на свете? Искать одобрения у музыковеда. «Сыграй-ка еще разок», — просит он тебя с понимающим видом и наконец выносит

— Увы, второклассник, похоже, метит в дипломаты: «Тебе виднее, папа». При этом имеет второй юношеский по конькам, увлекается плаванием, велосипедом...

— А музыкой?

— Только-только начинает. Раньше я как-то не замечал за ним особых способностей. Хотя, конечно, уже поздновато. Я по себе знаю, как это — опоздать в музыку. Если бы я занялся ею не в десять, а например, в шесть лет или, того лучше, в пять, то вполне возможно, что наше интервью состоялось бы лет на двадцать раньше. По моим подсчетам, та пятилетняя музыкальная задержка наверстывалась именно двадцать лет.

— Когда вы написали первую песню?

НОТНАЯ ГРАМОТА

Сегодня у нас в гостях лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный деятель искусств РСФСР композитор Владимир ШАИНСКИЙ.

решение: «Здесь у тебя хороший переход на субдоминанту...» А при чем тут, спрашивается, субдоминанта?

Я и сам себя ловлю на том, что песни других композиторов мне начинают нравиться, когда их уже запели. А до этого ни в какую.

— Ну, а ваши первые судьи кто?

— Жена. Что понравится ей, то понравится всем. В противном случае она говорит: «Слушай, очень здорово, но мне пора сына кормить».

— А что говорит сын?

Воскресные
ВСТРЕЧИ МК

— Во время войны, солдатскую, для своей части. «Песня военных радистов» называлась. Было мне семнадцать лет, из-за сердца я годился только к нестроевой и тянул свою учебную связь в Средней Азии. Потом песня где-то погибла, но я слышал ее в других частях. Последний раз — в Горьковской области.

Интересно, что судьба песни непредсказуема, как судьба человека. Вот задумал композитор строевую, а ее не поют. А мы с поэтами Харитоновым, Пляцковским и Таничем, когда писали «Не плачь, девчонка», «Через две зимы» и «Идет солдат по городу», вовсе не ставили себе такой цели. А ведь зашагали они в ногу. Я этим очень горжусь.

— А как называлась ваша первая, официально зарегистрированная песня?

— Прекрасно помню. «Марш комсомола», 1949 год. С тех пор я с комсомолом неразлучен. Можно сказать, постоянный его автор, много езжу. Наверное, потому, что в одной из моих песен поется: «Старость меня дома не застанет...»

Кстати, недавно в Экибастузе, куда я ездил по комсомольской путевке, стали считать с ребятами, сколько же песен я написал. Выяснили: порядка 100. Из них штук 30 — «популярные». То есть которые можно услышать на улице.

— Есть ли у композиторов любимые песни?

— У меня есть. Это «На дальней станции сойду» и «Дрозды». Сроду бы не подумал, что моих «Дроздов» запоют. В ней,

как ни крути, «сложная мелодия. И так удивился, когда запели!

А из тех, что вы величаете «детскими», сейчас мне нравятся «Белые корабли» из пластиночной сказки «Площадь картонных часов», «Пропала собака» и, пожалуй, «Улыбка». Да, «Улыбка».

— Вы сказали «сейчас нравятся». Разве и композитору его песни потихоньку приедаются?

— Да, становись к ним равнодушным.

— Владимир Яковлевич, есть мнение, что хорошая музыка спасает самые средние стихи...

— Никто никого не спасает. Это очевидно, но взятые по отдельности два средних произведения вместе могут стать одним хорошим. Песня — это какой-то сверхсинтетический жанр. В опере музыка откровенно превалирует, но здесь... Я работаю в этой области не один десяток лет, но сказать, что я многое понимаю...

Нельзя предсказать успеха песни. Этого не сможет сделать никто (кроме, повторяю, жены), даже самые опытные люди.

Простой пример. Художественный совет студии «Союзмультфильм» принимал песню крокодила Гены. Я сел к роялю, сыграл, спел. Смотрю — не тот эффект. И точно. Говорят:

— Неинтересная, понимаете, музыка.

Как спорить? Выходим из комнаты, Роман Качанов не выдержал, просит:

— Подожди, попробуй их убедить.

Это я уже потом узнал, что он там творил.

— Послушайте, — сказал он совету соловьиным голосом. — Песня хорошая, это он поет плохо.

Зовут меня снова:

— Просто сыграйте, без слов.

Сыграл. Качают головами. Выхожу. Качанов остается и говорит за моей спиной.

— Видите? Он не только плохо поет, но и плохо играет. А песня, поверьте, хорошая.

Короче, пришлось стучать по клавишам одним пальцем. Зато теперь все видят, что и целый совет может ошибаться...

ЗАКАТНОЕ солнце блуждало в трех соснах. На двух из них на пятиметровой высоте растянулась планка самодельного турника. Я поинтересовался:

— Зачем так высоко?

Шаинский ответил:

— Для остроты ощущения.

И быстро вскарабкался по сосне вверх. Раз перевернулся, другой, третий... Сполз, отдуваясь.

— А вы сколько раз сможете?

На другой день он уезжал в Великие Луки на подводную охоту. А прямо сейчас ему не терпелось сесть на велосипед.

— Представляете, впервые в жизни я узнал, что могу прилично бегать, в пионерском лагере, в 14 лет. Жалко-то как...

С композитором встречался А. РИГИН.